

Когда Янь Уши возвратился из дворца, он застал Шэнь Цяо и Бянь Яньмэя за игрой в вэйци друг против друга. Выражения их лиц были совершенно непринужденными и спокойными — очевидно, они уже закончили все свои важные дела.

Увидев, что Шэнь Цяо уже переоделся обратно, Янь Уши не мог отделаться от чувства сожаления. Он считал, что Шэнь Цяо в женском одеянии — редкое и красивое зрелище. Однако такие слова можно было держать только в мыслях. Если он выскажет их, то, как бы хорошо ни был настроен Шэнь Цяо, он не стерпит чего-то подобного.

Бянь Яньмэй поспешно отложил камень вэйци и поднялся на ноги, чтобы произнести приветствие. Его лицо сияло от радости.

— С возвращением, учитель! Старый лысый осел Сюэтин будет приговорен к смерти — это определенно обернется огромным ударом по влиянию буддийских сект!

Янь Уши все еще был одет в наряд служанки, но он уже сорвал маску из человеческой кожи, открыв свое истинное лицо. Выглядело это несколько комично, но из-за его поразительной внушительности никто не посмел бы смеяться, даже если бы он был одет в поношенные лохмотья.

Выслушав слова Бянь Яньмэя, он заявил:

— Старый лысый осел не умрет.

Бянь Яньмэй замер на одном месте, как остолбенелый.

— Учитывая его личность и статус, не будет ли жалко, если он вот так просто умрет? — Янь Уши едва заметно улыбнулся. — Следует выжать из него хоть каплю выгоды. Даже войдя в врата буддизма, он все еще продолжал носиться с мыслью о жизни в багровой пыли светского мира. Если на сей раз он научится знать свое место, то почему бы не сохранить его собачью жизнь?

Бянь Яньмэй не мог разгадать смысла этого решения. Но раз Янь Уши говорит подобным образом, это определенно означает, что он что-то задумал. Оставалось только почтительно согласиться.

— Пулюжу Ина удалось спасти?

— Да. Этот ученик уже отправил Пулюжу Ина обратно в резиденцию Пулюжу Цзяна. Чэнь Гун мертв. Мужун Цинь был тяжело ранен и взят под стражу, он будет допрошен, когда сможет дать показания.

Янь Уши только хмыкнул в ответ. Хотя он и вышел победителем из этой схватки, наставник Сюэтин обладал достаточно глубоким и мощным мастерством, чтобы оставить ему несколько

ран.

Он прикрыл рот рукой и тихо закашлялся. Бянь Яньмэй уже собирался сказать, что пойдет и найдет какое-нибудь лекарство от ран, когда заметил следы ярко-красной крови, просочившейся между пальцами Янь Уши.

«Неужели ранения настолько серьезны?» – глаза Бянь Яньмэя округлились. Он тут же захлопотал:

— Учитель, вы в порядке? В этой резиденции еще есть несколько пилюль цинсинь...

Янь Уши лишь отмахнулся рукой, а затем сел на то место, где изначально сидел Бянь Яньмэй.

Шэнь Цяо, хотя и понимал, что тот, скорее всего, разыгрывает представление, все же не удержался от вопроса:

— Раны главы Янь серьезные? Тебе нужно, чтобы этот бедный даос осмотрел их?

Стоило этим словам сорваться с его уст, как рука Янь Уши уже послушно легла на доску вэйци.

— Тогда мне придется побеспокоить даочжана Шэня.

«Не слишком ли быстро ты протягиваешь руку? Как будто уже предвидел мой вопрос!» – отметил про себя Шэнь Цяо. Он приложил три пальца правой руки к запястью собеседника.

— Внутреннее дыхание несколько хаотично. Возможно, ты получил некоторые внутренние повреждения, но они не должны представлять серьезной проблемы. С должным уходом полное восстановление не займет много времени, – но даже если у него и были какие-то внутренние повреждения, они не были настолько серьезными, чтобы его рвало кровью. «Он в самом деле притворяется» – думал Шэнь Цяо, пока говорил.

Янь Уши накрыл тыльную сторону его руки своей и крепко сжал ее, слегка улыбнувшись.

— Спасибо за беспокойство, даочжан Шэнь. Даже несмотря на то, как этот почтенный обошелся с тобой в прошлом, ты все же способен отбросить давние обиды и работать с ним сообща. Такое благородство способно сдвинуть с места даже самое твердое и бесчувственное каменное сердце.

Эта пара рук была белой и тонкой — она была похожа на прекрасный нефрит, с которым играли в течение многих лет. Тонкие мозоли на перемычке между большим и указательным пальцами были единственным свидетельством того, что их владелец много лет практиковал искусство меча.

Если бы такие слова произнес кто-то другой, Шэнь Цяо, возможно, и смог бы вежливо ответить ему. Но у него уже давно выработался некий иммунитет к Янь Уши. К тому же, в данный момент тот был одет в женскую одежду, что еще больше настораживало Шэнь Цяо. Он мог почти ощутить, как все волосы на его теле встали дыбом.

Прежде чем он успел отдернуть руку, другой человек первым убрал свою. Как будто именно сейчас он действительно хотел выразить свои истинные чувства.

Ношение комплекта плохо сидящей женской одежды — даже если другие не находили это неловким, сам Янь Уши чувствовал себя некомфортно. Бянь Яньмэй распорядился подготовить горячую воду и сменную одежду и пригласил своего учителя омыться и переменить одежды.

Вид достойного главы секты Хуаньюэ, одетого в жуцунь с высокой талией, слишком сильно резал глаза. Сам он, однако, был совершенно спокоен: поднялся с спокойным и величественным видом, не забыв бросить взгляд на чашку перед Шэнь Цяо.

— Что в чашке? - спросил он у Бянь Яньмэя.

— Медовая вода, - тот недоумевал, зачем его учителю понадобилось спрашивать о таком пустяке.

— Замени ее сливовым напитком. А-Цяо не нравится приторная сладость медовой воды.

Шэнь Цяо приподнял бровь в немом вопросе: «Откуда ты знаешь, что мне не нравится медовая вода?». Однако вопрос показался ему слишком глупым, поэтому он промолчал и не стал его озвучивать, опустив взгляд на доску вэйци.

Бянь Яньмэй тоже был слегка ошарашен этими словами, но вел себя как ни в чем не бывало.

— Хорошо.

Как только Янь Уши покинул комнату, он последовал за ним по пятам и учтиво попросил совета:

— Учитель, позвольте спросить, должен ли этот ученик продолжать относиться к даочжану Шэню так же, как и раньше?

— Обращайся с ним точно так же, как со мной, - Янь Уши бросил на него взгляд, полный скрытой похвалы: «Юноша подает надежды и достоин того, чтобы его обучать». Дух Бянь Яньмэя сильно пошатнулся, когда он подумал, что действительно правильно угадал ситуацию.

С другой стороны, люди из демонических сект никогда не ошибались на свой счет и не были

известны как праведные или нравственные господа. Бянь Яньмэю уже некогда доводилось видеть, как Янь Уши баловал многих прекрасных людей. Но все они были подобны цветам таньхуа, которые расцветали на мгновение и тут же увядали — никогда не задерживались надолго. Изначально он полагал, что его учителя можно описать поговоркой «Тело прошедшего сквозь тысячи цветов не коснулось ни единого лепестка». Он никогда бы не подумал, что этому человеку взаправду, не говоря уже о том, чтобы искренне, приглянется цветок, растущий в равнинах заснеженных ледников. Цветок, не тронутый пылью брэнного мира.

Бянь Яньмэй хоть и немного, но понимал характер и личность Шэнь Цяо. Он не верил, что его учителю удастся успешно сорвать этот цветок. Хотя Шэнь Цяо казался добродушным и приветливым, он обладал гордыми и непреклонными костями, которые не согнуть и не сломать ни ветру, ни дождю. Он определенно не был похож на человека, который ступит на путь лунъяна с обрезанным рукавом.

Размышляя об этом, Бянь Яньмэй не был уверен в том, кому он должен сочувствовать. Он тихонько кашлянул.

— Простите этого ученика за то, что он слишком много болтает, но... Мне кажется, что даочжан Шэнь не разделяет ваших намерений? — как ни посмотри, вы оба вообще не выглядите так, будто влюблены друг в друга!

Янь Уши будто бы невзначай скосил на него взгляд.

— У тебя есть какие-нибудь предложения?

Бянь Яньмэй сухо рассмеялся.

— Этот ученик знает бесчисленное множество способов покорения женщин, но Шэнь Цяо ведь не только не женщина, но и не самый обычный человек, поэтому такие заурядные методы к нему не применимы. Однако есть старая поговорка о том, что свирепая женщина боится настойчивого мужчины. Как бы ни обстояли дела, в ней наверняка есть доля правды, не так ли? Только вот...

— Только вот что?

— У учителя исключительная манера поведения и изящная внешность. Если бы вы пожелали завести мимолетную интрижку с каким-нибудь простаком, он был бы более чем готов предложить вам свою постель. Что же касается Шэнь Цяо, то, если однажды наступит день, когда учитель надоест ему, боюсь, он не оставит этого так просто.

Подтекст этих слов был таков: если вам нужен лишь кратковременный, как утренняя роса, роман, то в Поднебесной есть очень много красавцев и красавиц. Есть даже огромное количество людей, которые с охотой пожелают запрыгнуть в вашу кровать! Но в случае с Шэнь

Цяо, помимо того, что его будет трудно заполучить в свои руки, даже если вам удастся заполучить его, вам будет нелегко избавиться от него в будущем. Как говорится: «Легко пригласить бога, но трудно его проводить». Шэнь Цяо, в конце концов, все еще гроссмейстер боевых искусств, так что не стоит накликать на себя беду!

Янь Уши улыбнулся.

— С чего ты взял, что все, чего я хочу — это мимолетная интрижка?

Может ли быть, что вы хотите провести с ним всю свою жизнь?

— ...Этот ученик понимает, — Бянь Яньмэй был поражен, но не осмелился допытываться дальше.

На самом деле он не совсем понимал. Шэнь Цяо действительно был редким красавцем, но под небесами есть бесчисленное множество других красивых людей, и даочжан не был самым ослепительным и привлекательным из них. Может быть, потому, что он тоже был мастером боевых искусств высшего уровня, он так очаровывал и притягивал взгляд его учителя?

К тому времени, как Янь Уши искупался и переоделся, выглядя освежающе обновленным, Шэнь Цяо уже заполнил своими камнями большую часть доски вэйци.

— Ты познакомился с двумя сыновьями Пулюжу Цзяня. Что ты думаешь о них? — небрежно обронил Янь Уши, занимая место напротив него.

Шэнь Цяо не был слишком удивлен этим вопросом. Он задумался на мгновение, прежде чем ответить:

— Пулюжу Юн, старший сын Пулюжу Цзяня прост, но не глуп и не невежествен. Пулюжу Ин, второй сын Пулюжу Цзяня, умен и в столь юном возрасте продемонстрировал отличную хитрость.

— Твою оценку их поведения можно назвать уместной. «Прост, но не глуп и не невежествен» — это действительно отражает его суть!

— Прошу прощения за прямоту, но несмотря на то, что Пулюжу Цзянь — человек исключительных устремлений и стойкости, который в будущем будет вправе считаться мудрым в ведении государственных дел правителем, когда речь заходит об этих двух его сыновьях, кажется, что их характеры следовало бы поменять местами. Если однажды второй сын превзойдет старшего в способностях и интеллекте, это может не лучшим образом сказаться на правящей династии и ее народе в будущем.

Янь Уши рассмеялся в ответ.

— А-Цяо, ты слишком далеко забегаешь вперед. Существовала ли когда-нибудь правящая династия, которая оставалась бы непобежденной? Даже Ин Чжэн бредил мечтами создать наследие, которое можно было бы передавать тысячелетиями, но в итоге эта династия не пережила и второго поколения, прежде чем полностью угасла. Кто знает, выживут ли два его сына и сумеют ли они достичь зрелого возраста? Кто знает, сможет ли Пулюжу Цзянь провести на посту императора хотя бы десять лет, прежде чем его вытеснит кто-то еще более могущественный? Мне более чем достаточно знать, что человек, с которым я сейчас работаю, способен сохранять ясную голову и не будет действовать небрежно или неумело. Что касается наследия семьи Пулюжу, то я же не являюсь его отцом, так почему должен беспокоиться об этом?

— Раз глава Янь имеет свое собственное мнение по этому вопросу, я не буду говорить об этом дальше.

— Пулюжу Цзянь намеревался найти для них учителя. Раз ты так отреагировал, я понимаю, что ты не одобришь ни одного из них. Когда мы вернемся, я отклоню его просьбу от твоего имени.

Шэнь Цяо задался вопросом:

— Боевые искусства главы Янь превосходят мои. Почему бы ему не обратиться к тебе?

— Раз ты не высокого мнения о них, то и я, естественно, не высокого мнения о них. Учитывая наши отношения, если мы не будем работать в паре, разве это не заставит других неправильно понять нас?

«И какие же у нас отношения? Когда ты выражаешься таким образом, как другие вообще могут понять нас правильно?» - Шэнь Цяо был изумлен его способностью выдавать черное за белое.

— Глава Янь зря так много беспокоится. Этот бедный даос не принадлежит к секте Хуаньюэ. Даже если мы не будем работать в паре, это не вызовет никаких недоразумений.

***

Бунт во дворце поистине воплотил в себе смысл слов «во время войны важна скорость».

С помощью Янь Уши, Шэнь Цяо и других Пулюжу Цзянь захватил контроль над Юйвэнь Юнем и использовал его, чтобы доминировать над политической ситуацией императорского двора. Будучи опытным политиком, он не позволил этому кровавому конфликту распространиться по столице, не говоря уже о том, чтобы просочиться за ее пределы. Прежде чем кто-либо успел отреагировать на изменения, дворец уже вернулся к своему обычному состоянию тишины и спокойствия.

До этого, чтобы в полной мере насладиться своими гедонистическими увлечениями и избежать вмешательства придворных, Юйвэнь Юнь отрёкся от престола в пользу своего сына Юйвэнь Чаня, провозгласив себя «Императором Тяньюань». В результате, даже после того, как Пулюжу Цзянь захватил контроль над ситуацией, ему даже не потребовалось назначать другого императора-марионетку. Восемилетний Юйвэнь Чань по-прежнему оставался императором, только с дополнительным регентом. Юйвэнь Юнь сам вырыл себе эту яму, в итоге попав в ловушку собственного изготовления.

После того как Пулюжу Цзянь захватил бразды правления, он не спешил утвердиться в качестве нового императора. Вместо этого он руководил страной в качестве левого великого премьер-министра. Позже он публично объявил, что Юйвэнь Юнь умер от болезни, и прекратил реконструкцию императорских садов. Он также быстро отозвал чиновников, изгнанных из столицы за то, что они увещевали Юйвэнь Юня, и восстановил их в прежних должностях, тем самым восстановив их репутацию.

Всего два эти действия уже завоевали сердца людей.

Новый император — новые министры. Принятие Пулюжу Цзянем бразд правления также означало, что благоприятные дни, которыми ранее наслаждались буддийские секты и секта Хэхуань, скоро уйдут в прошлое.

Секта Хэхуань не стоила даже упоминания. Если Сан Цзинсина и Юань Сюсю не было в столице во время восстания, как остальные могли сравниться с Янь Уши и Бянь Яньмэем? С тех пор, как Юйвэнь Юнь занял трон, секта Хуаньюэ вынуждена была прятаться в тени и притворяться несчастной. Но теперь дни лишений наконец-то закончились, и наступили дни ликования. Бянь Яньмэю больше не приходилось терпеливо сдерживаться, и вскоре он приступил к атаке, одним махом уничтожив все силы секты Хэхуань как внутри императорского двора, так и за его пределами.

После того, как боевые искусства наставника Сюэтина были уничтожены Янь Уши, его заключили в тюрьму по обвинению в околдовывании предыдущего императора и неспособности осуществлять добродетельное управление. Как только Сюэтин отпал от власти, буддийские ученики в пределах столицы потеряли всю свою поддержку и разбежались кто куда, как обезьяны после падения своего дерева. Один за другим их храмы были захвачены и закрыты местными властями, а последователи буддизма либо обращались в бегство, либо признавали свою вину и сдавались императорскому суду.

У Янь Уши не было намерений преследовать и истреблять буддийские секты. Он знал, что конфуцианство, буддизм и даосизм традиционно передавались на Центральных равнинах в течение очень долгого времени, глубоко укоренились в сердцах людей, и у каждого из них были свои преданные верующие. Такие глубокие корни невозможно было просто выкорчевать или уничтожить человеческими средствами. В худшем случае они продолжают существовать во временно ослабленном состоянии. В качестве примера можно привести случай, когда Юйвэнь Юн начал активное насильственное и разрушительное истребление буддийских сект, убив множество монахов, разрушив множество храмов, уничтожив огромное количество буддийских писаний и классических книг. Однако стоило ему умереть, как засохшие сорняки омолодились с весенним ветром.

Секте Хуаньюэ нужна только поддержка власть имущих и их право высказываться, а не уничтожение буддийских сект. Ведь даже без буддистов все еще существовали даосские и конфуцианские секты, которые никогда не будут уничтожены. Лучший путь вперед — это поддержание взаимного равновесия между всеми державами, чтобы никто никому ничего не мог сделать. Таким образом, маловероятно, что возникнет ситуация, когда появится одна доминирующая держава, что позволит этому решению быть устойчивым в течение длительного периода времени.

Его образ мыслей совпадал с планами Пулюжу Цзяня, поэтому их сотрудничество проходило очень гладко.

В знак признания заслуг Янь Уши и Шэнь Цяо, Пулюжу Цзянь не только приказал построить храм Сюаньду в столице, но и присвоил Шэнь Цяо титул Тунвэй Юаньмяо — даосский духовный учитель храма Сюаньду. Он также щедро передал некоторые дела, связанные с императорской семьей, на управление секте Хуаньюэ. Через некоторое время после этого, когда он ввел систему трех провинций и шести министерств, он также назначил человека из секты Хуаньюэ на одну из самых прибыльных должностей: министра общественных работ. Династия Суй всегда будет поддерживать хорошие сотрудничество с сектой Хуаньюэ, пока Пулюжу Ин безжалостно не отвернется от них, отказавшись от соглашения.

Но все это часть истории, которая будет рассказана позже.

Во втором месяце года, вскоре после дворцового восстания и окончания Праздника Фонарей, император Чжоу Юйвэнь Чань выразил мнение, что Пулюжу Цзянь обладает благородным характером, большой добродетелью и имеет задатки мудрого правителя. Из-за своего юного возраста и невежества он был недостоин положения императора и объявил о своем намерении передать трон Пулюжу Цзяню. Пулюжу Цзянь трижды отказывался, прежде чем принял дворец Линьгуан вместе с императорским тронном. После этого название династии было изменено на Суй, а эпоха его правления была названа Кайхуан. Он также объявил, что для того, чтобы признать своих предков, он изменит свою фамилию на ханьскую фамилию Ян, и провозгласил всеобщую амнистию.

Взошел новый правитель, на Севере сменилась династия и начался новый режим. Предстояло перевернуть страницу многовековой суматохи и хаоса, последовавших за гибелью династии Цзинь и приходом Пяти Варварских племен на Центральные равнины.

Для простых людей бури императорского двора и распутство во дворце не имели никакого значения, их требования были просты — лишь бы хорошо кормили и одевали. Однако новая династия все-таки принесла некоторые изменения. Даже если не говорить об остальном, одного объявления всеобщей амнистии было достаточно для того, чтобы в этом году население не платило никаких нБагровогов, что облегчило их повседневное бремя.

Когда в руках было больше денег, на их лицах, естественно, было больше улыбок.

Шэнь Цяо почувствовал, как его сердце всколыхнулись от волнения.

— Только сейчас я не жалею о решении, которое принял в тот день, — сказал он.

На улицах шумно и оживленно, толпы людей все сменялись и сменялись. Поскольку сегодня проходила храмовая ярмарка, большинство людей были на улице и готовились к предстоящему фестивалю драконьих лодок. Разноцветные мешочки, сделанные из пятицветных шелковых нитей, были развешаны вокруг маленьких ларьков и торговцев, которые заполнили улицы и переулки. Роскошное множество красивых вещей заполняло глаза, заставляя чувствовать себя ослепленным открывшимся зрелищем.

Услышав его слова, Янь Уши улыбнулся.

— Смеею предположить, что на сердце у А-Цяо все это время было крайне беспокойно.

Шэнь Цяо кивнул и честно ответил:

— Все эти дни я беспокоился, что из-за моего вмешательства мир может принять беспутного и бесчестного императора, который принесет еще больше трудностей в жизнь простых людей.

Они вдвоем проходили мимо прилавка, и Янь Уши, услышав, как торговец энергично расхваливает свой товар, бросил взгляд на прилавок и купил красочного тканевого тигра. На голове у тигра был шнурок, а к низу прикреплена шелковая лента. Он выглядел очаровательно глупо и невинно, но при этом был очень ярким и реалистичным.

Янь Уши вложил тканевого тигра в руки Шэнь Цяо.

— Это для меня? — тот посмотрел на него с недоуменным видом.

Взяв в руки мягкого тканевого тигра, он стал возиться с ним и вращать его из стороны в сторону. На его лице расцвела улыбка.

— Он очаровательный.

Янь Уши посмеивался и говорил про себя: «Ах, да, прямо как ты. Большие кошки и маленькие кошки — все они кошки. Этот достопочтенный все свое время проводит с кошками».

Они еще некоторое время осматривали фестивальную ярмарку, а затем вернулись обратно. Резиденция была восстановлена и распечатана. Ян Цзянь присвоил Янь Уши аристократический титул, и теперь это место было известно как резиденция герцога У. В ней и проживал Янь Уши, а поскольку строительство храма Сюаньду еще не было завершено, Шэнь Цяо находился здесь в качестве гостя.

Когда домоправитель увидел Янь Уши, он поспешил сообщить, что молодой господин вернулся и

привел с собой человека, сказав, что это младший брат даочжана Шэня.

Шэнь Цяо чувствовал, что вся эта ситуация звучала довольно странно, а увидев человека, который сопровождал Юй Шэньяня, он не мог не удивиться еще больше.

— Четвертый младший брат?..

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287411>